

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Р. Г. Браславский

Цивилизационное развитие России:
социологический диагноз последних
двадцати лет

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Braslavsky.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-03-00475а.

Автор также выражает благодарность Фонду содействия отечественной науке за финансовую поддержку.

В языке социальных наук существуют концепты, за которыми стоят целые исторические эпохи, течения общественной мысли, интеллектуальные и социальные практики социальных групп, институализированные области научного знания. В настоящее время для обозначения реальности образуемой всевозможными формами и продуктами человеческой деятельности и противопоставляемой природной реальности утвердились три универсальных категории: «общество», «культура», «история». С каждой из этих категорий связаны области знания, имеющие институциональное закрепление в виде совокупностей специальных научных дисциплин, таких как социальные науки, гуманитарные науки, историческая наука.

Концептом, сопоставимым по масштабу с понятиями «общество», «культура», «история», является понятие «цивилизация». Хотя оно и используется широко, его статус в современном обществознании остается неопределенным. В конце XVIII—XIX в. слово «цивилизация» играло роль центрального концепта в европейской социальной мысли. Оно занимало ведущие позиции в лексиконе социальной науки, в особенности в англо- и франкоговорящих регионах, а также в России, где до конца XIX в. оно имело явный приоритет перед словом «культура». Однако постепенно оно уступило понятиям «общество» и «культура», которые взяли на себя, поделили между собой его коннотации. Понятие «цивилизация» было тесно связано с концептуальной дихотомией «гражданское общество — государство». Однако позже право, рынок, государство оказались поглощены более широким понятием общества. Возвышение концепта «общество» сопровождалось появлением новой науки — социологии и стремлением ее творцов сформировать новую конфигурацию социальных наук, в которой традиционные и ранее возникшие дисциплины рассматривались бы как частные науки, имеющие дело с изучением отдельных фрагментов социального тела, и даже подчиненные по отношению к социологии как науке об обществе в целом.

«Цивилизация» как оппозиция «первобытности», «варварству» и «дикости» оказалась поглощенной понятиями, вошедшими в понятийный аппарат социологии: индустриальное, капиталистическое, современное общество. Понятие цивилизации в значении исторического процесса,

имеющего прогрессивную направленность, уступило место таким понятиям, как прогресс, развитие, эволюция, модернизация. Более позднее использование понятия цивилизации для критики идей линейного эволюционизма и научно-технического детерминизма обогащало его новыми значениями, но при этом кардинально сближало его со словом-понятием культуры, которое в Германии противопоставлялось изначальному значению термина «цивилизация». Таким образом, слово «цивилизация» все больше отходило на второй план по сравнению с терминами «общество» и «культура». Следствием этого явилась гораздо меньшая степень институционализации слова «цивилизация» в языке общественных наук, по сравнению со словами-понятиями «общество», «культура», «история», которые используются для маркировки междисциплинарных границ.

Тем не менее понятие цивилизации до сих пор продолжает использоваться представителями разных научных цехов и сохраняет свой «эвристический» потенциал. Более того, с этим понятием связываются отдельные направления и области исследований в социальных науках, например, «сравнительное изучение цивилизаций» (цивилизационная компаративистика), «цивилизационный подход», «теория цивилизаций». Предпринимаются попытки обоснования проекта особой науки о цивилизации — цивилиографии или цивилизиологии (например, Е.Б. Черняк). Использование понятия «цивилизация» отражает тенденцию к преодолению дисциплинарных границ, разрывов между социологией и историей, социальным и культурным, объективным и субъективным. Для социологии использование этого понятия означает привнесение исторической перспективы («длительное время», интерес к генезису и эволюции социальных структур и институтов современности, анализ данных прошлого для проверки социологических обобщений), акцентирование роли культуры в социальных изменениях, макроуровневый характер исследований.

В целом, использование термина «цивилизация» в социологии означает поворот в сторону культуры и истории. Для историков с понятием «цивилизация» связан выход за рамки событийной описательности, переход к изучению структур и процессов и широким теоретическим построениям, применение социологических обобщений для объяснения данных прошлого, т.е. по сути, это движение навстречу социологии. Сегодня, пожалуй, главным мотивом использования понятия «цивилизация» в общественных науках является стремление к предметной интеграции, методологическому синтезу, целостному изучению общества, культуры и истории. По словам В.Ж. Келле, «характерной особенностью цивилизации является соединение в органической единство социального и культурного начал общественной жизни. Цивилизация — социокультурное образование» (Цивилизация... 1999: 27). В позднесоветском и постсоветском общественнознании обращение к понятию «цивилизация» и цивилизационному подходу было реакцией на господство формационного подхода с присущими ему игнорированием культурной детерминации общества, подчеркиванием роли антагонизмов и конфликта в истории.

Согласно Б.С. Ерасову, наиболее устойчивый терминологический статус в теоретической мысли получило значение цивилизации как «социокультурной общности, формируемой на основе универсальных, т.е. сверхлокальных, ценностей, получающих отражение в мировых религиях, которые составляют целостные системы социокультурной регуляции, включая подсистемы морали, права, искусства, философии и т.д.» (Ерасов 2002: 33). Именно это значение слова «цивилизация» легло в основу «социокультурного подхода» к цивилизации и собственно цивилизационной парадигмы мировой истории.

Наряду с социокультурным сложился институциональный подход к цивилизации, при котором главным предметом внимания являются социальные практики, социальные институты и социальная структура, экономика и политика, а не символические структуры и ценностные системы, религия и идеология. Институциональный подход к цивилизации дает многолинейное видение мировой истории. Среди социологических концепций российского общества последних двадцати лет заметное место занимают теории, использующие социокультурную или институциональную версии цивилизационного подхода: это, в частности, концепции «расколотого общества» (А.С. Ахиезер), «кризисного социума» (Н.И. Лапин), «рецидивирующей модернизации» (Н.Ф. Наумова), «другой Европы» (В.Г. Федотова), общества с институциональной матрицей восточного типа (С.Г. Кирдина), «мобилизационного типа развития» (А.Г. Фоотов, О.В. Гаман-Голутвина), «государственного способа производства», «этакратического общества» (О.И. Шкаратан), «политарного общества» (Ю.И. Семенов), «раздаточной экономики» (О.Э. Бессонова). Феномен «русской цивилизации» анализируется в работах целого ряда социологов, культурологов, политологов, историков, экономистов, философов (Б.С. Ерасов, И.Г. Яковенко, А.С. Панарин, В.В. Ильин, В.К. Кантор, И.Н. Ионов, Л.И. Абалкин, М.П. Мчедлов, Л.М. Романенко, Л.И. Семенникова, А.А. Кара-Мурза и др.).

Социологические образы российского общества формируются в контексте четырех парадигм мировой истории: модернизационной, полиэволюционной, цивилизационной и глобализационной. Концептуальное пространство определения этих парадигм организуется пересечением двух осей: «пространство — время» и «монизм — плюрализм». В понятии «мировая история» отражено единство двух измерений: пространства — «мир», и времени — «история». Цивилизационная и глобализационная парадигмы исходят из пространственного видения мировой истории, для них характерна модель «пространство-время». Для модернизационной и полиэволюционной парадигм, напротив, приоритетным является временное измерение мировой истории, они реализуют модель «время-пространство». Указанные парадигмы мировой истории классифицируются также по тому, признается или отрицается единство мировой истории. Для модернизационной и глобализационной парадигм характерно монистичес-

кое видение мировой истории, в то время как полиэволюционная и цивилизационная парадигмы исходят из принципа плюрализма.

В современных концептуализациях российского общества широкое распространение получил обнаруживший довольно широкую вариативность модернизационный подход. Можно указать на три главные, наиболее часто отмечаемые в научной литературе особенности российской модернизации, плохо согласующиеся с выработанными на западноевропейском историческом материале классическими представлениями о переходе к современности. Во-первых, это экзогенные источники российской модернизации: импульсы развития проистекают не «изнутри», а «извне» общества. Во-вторых, в целом принудительный по отношению к обществу характер российской модернизации, отсутствие в российском обществе широкой социальной базы модернизации, субъектами которой являлись политические элиты (государство): модернизация путем «революций сверху» (Пантин, Лапкин 1998). В-третьих, фрагментарный, неполный, асимметричный, «инструментальный» и как следствие противоречивый и незавершенный характер российской модернизации: модернизации, в целом, подчиненной задаче адаптации и воспроизводства базовой (не-западной по своей природе) институциональной структуры российской социетальной системы.

Отмеченные особенности российской модернизации составляют точки соприкосновения модернизационного видения исторической динамики России с социологическими образами российского общества в полиэволюционной, цивилизационной и глобализационной парадигмах, которые сложились как альтернативные модернизационному подходу к мировой истории. Несмотря на различие концептуальных оснований, в складывающихся в различных макроисторических парадигмах социологических образах российского общества могут быть выделены некоторые константные характеристики. В частности, можно говорить о сформированности преимущественно этатистского образа российской цивилизации. При этом роль государства и власти в общественной жизни России получает различную интерпретацию. Если в теориях модернизации государству в России отводится, хотя и с рядом оговорок, роль инициатора, субъекта в осуществлении модернизации, то в теориях билинейной эволюции преобладание государства над другими социальными институтами рассматривается в качестве фундаментальной структурной характеристики российской социетальной системы, препятствующей ее «современиванию», по крайней мере, по западному образцу. Другой устойчивой характеристикой является представление о «разорванности», «расколотости» российского общества. В целом, использование цивилизационного анализа связано с представлением о базовых культурных, институциональных и социоструктурных характеристиках российской социетальной системы, налагающих ограничения на вызовы модернизации и глобализации.

Ахиезер А.С. Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.

Козловский В.В., А.И. Уткин, В.Г. Федотова. Модернизация: от равенства к свободе. СПбГУ: Изд-во СПбГУ, 1995. 280 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. XL, 548 + 583 с.

Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51.

Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. 1993. № 20. С. 5–105.

Федотова В.Г. Трансформация «другой Европы». М.: Институт философии РАН, 1997.

Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.

Цивилизация, культура, личность / Под ред. В.Ж. Келле. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 244 с.

Черняк Е.Б. Цивилиография: Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.

Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 49–62.

*В.В. Козловский
(СПбГУ, СИ РАН, С.-Петербург)*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-03-00475а.

Понятия «диагноз» и диагностика по отношению к объектам социологии и самой социологии, представляются, на первый взгляд, метафорой. Термины взяты из медицинского словаря. Диагноз означает описание болезни и выявление симптоматики. Диагностика давно уже входит в состав методов психологии, частично, и социологии. Социологический диагноз предлагается здесь, во-первых, как способ оценивания объектов (тела) культуры, общества, власти, хозяйства, во-вторых, как средство оценки теоретических и эмпирических методов социальных исследований.

Основной вопрос заключается в возможности встречного социологического диагноза изучаемой социальной и культурной реальности, предмета исследования и средств его познания. Проблема не нова. Насколь-